
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811

*А.В. Спиридонов****НЕУЗУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ
ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. АКСЕНОВА**

В статье рассматриваются окказиональные способы создания новообразований в текстах романов Василия Аксенова. Выделяются не только характерные для многих авторов модели неузального словообразования, но и уникальные, характеризующие языкотворческую деятельность писателя. Указывается, что большинство окказионализмов, созданных данными способами, выполняет функцию языковой игры.

Ключевые слова: неузальное словообразование, окказионализмы, типология, В. Аксенов.

Окказиональные слова всегда привлекали внимание лингвистов. Начиная с 50-х годов XX века появляются исследования, посвященные их широкому и систематическому анализу (А.Г. Лыков, Н.А. Янко-Триницкая, Е.А. Земская, В.П. Изотов, В.В. Панюшкин и др.). Авторские инновации рассматриваются в различных аспектах: функционально-стилистическом, структурно-семантическом, семасиологическом и ономасиологическом, семиотическом, лексикографическом, но наибольшее внимание исследователей привлекает собственно словообразовательная природа новообразований. Как известно, окказионализмы по способу образования делятся на два типа: созданные по продуктивным словообразовательным моделям и произведенные с помощью нетиповых или уникальных способов. Одни ученые считают, что новообразования первого типа являются не окказиональными, а потенциальными словами (Е.А. Земская, Э.И. Ханпира, Р.Ю. Намитокова), другие относят оба типа к окказиональным (В.В. Лопатин, А.Г. Лыков). Более точной нам представляется вторая точка зрения.

В настоящее время в дериватологии выделяются следующие способы неузального (окказионального) словообразования: гендиадис, контаминация, виртуальная деривация, интеграция, неморфемное усечение, заместительная деривация, субституция, креация, лексикализация аббревиатур путем соединения с аффиксами, редеривация, срединная неморфемная вставка, ретроскрипция, аугментация и др.

Предметом настоящего исследования стали окказионализмы В.П. Аксенова, автора многочисленных разножанровых произведений, отличительной чертой языкового творчества которого является креативность.

* © Спиридонов А.В., 2014

Спиридонов Александр Владимирович (Aleshandro@mail.ru), кафедра современного русского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

Цель статьи – охарактеризовать окказиональные способы создания индивидуально-авторских новообразований в текстах романов В. Аксенова, которые до сих пор еще не становились предметом специального исследования. Материалом для анализа послужили тексты романов «Ожог» (1975), «Новый сладостный стиль» (1996), «Кесарево свечение» (2000), «Москва Ква-Ква» (2006), «Редкие земли» (2007), «Таинственная страсть. Роман о шестидесятниках» (2007) и «Ленд-лизовские. Lend-leasing» (2008).

Анализ окказиональной лексики В. Аксенова позволил выделить несколько способов неузуального словообразования.

1. Гендиадис (рифмованное сложение). Это разновидность сложения, при котором второй компонент окказионализма является фонетической трансформацией первого. Как отмечает Н.А. Янко-Триницкая, при гендиадисе образуется «особый, чисто окказиональный тип униморфов, представляющих собой повторы-отзвучия, своеобразные «прицепы» к слову, повторяющие данное слово с изменением начального звука или группы начальных звуков, например: *фокус-покус, страсти-мордасти, травя-мурава, чудо-юдо, коза-дереза*» [1, с. 470]. Способ образования соответствующих окказиональных слов И.С. Улуханов называет заменой фонем или комбинацией неморфемного усечения с добавлением фонем (*картошка-мартошка, банки-шманки*) [2, с. 79]. С.В. Ильясова для описания этого явления использует термин «фокус-покус прием», указывая на игровой характер подобных новообразований [3, с. 199].

В текстах романов Василия Аксенова путем гендиадиса могут образовываться имена собственные: «*Ну а ты-то чем тут занята, Вольси-Гольси?*» [4, с. 225–226]. В ряде случаев новообразования, созданные данным способом, допускают множественное толкование. Так, в следующем контексте окказионализм можно трактовать как эффект эха и как звукоподражание – специфический звук, издаваемый лягушками: «*Но главная баба – это все-таки Москва-Ква-Ква*» [5, с. 238]. Кроме того, новообразования, созданные при помощи гендиадиса, могут расщеплять исходную производящую основу (в частности, фамилию), что приводит к возникновению иронично-уничтожительной окраски имени собственного: «*Ну вот, она уходит с этим Кокки-мокки-накки-такки*» [5, с. 192]. Модель: *Георгий Моккинакки* → *Кокки-мокки-накки-такки*.

При помощи рифмованного сложения писатель создает и окказиональные апеллятивы с отвлеченным значением: «*Это вам, ребята, не фуфляй-вуфляй!*» [6, т. 2, с. 32]. Зачастую новообразование, созданное рифмованным сложением, оказывается стилистически сниженным и способствует возникновению сатирического эффекта: «*Сейчас нажратые в соседнем кабинете партнеры с удовольствием завалились в зал «Чаир» на энтертейнмент-шментертейнмент, чтобы разогнать циркуляцию-шмеркуляцию*» [7, с. 308]; ср.: *танцы-шманцы*, ср. у В. Набокова: *Метерлинк-Шметтерлинг*. Во всех случаях рифмованное сложение является одним из способов языковой игры.

2. Контаминация. По мнению Е.А. Земской, данный способ представляет собой соединение двух узуальных слов, образующих окказионализм, и, хотя часть слова устраняется, она остается в том фоне, который служит двойному осмыслению окказионализма [8, с. 19]. Р.Ю. Намитокова под контаминацией понимает «проникновение первой части одного слова в другое и вытеснение из этого другого слова его начала» [9, с. 135]. В. Аксенов использует разные типы контаминации:

а) собственно контаминация: «*Паук серпа-и-молота все еще висит на крыше, однако рядом с ним сидят «Роллекс», «Самсунг» и прочая капханалия*» [7, с. 64]. Модель: *капитал* + *вакханалия* → *капханалия*;

б) контаминация с наложением: «*В библиотеке раз в неделю может набрать себе книг лучших авторов: ну, скажем, <...> Акуленины Ознобищиной*» [10, с. 55]. Модель: *Акулин(а)* + *Нин(а)* → *Акуленина*;

в) контаминация с метатезой, представляющей собой взаимную перестановку звуков или слогов в словах: «*Подражая Владимиру Набокову с его “Толстоевским” и учитывая литературную ориентацию своего завкафедрой, Александр придумал себе автора пьесы: “Лейтенант Гоглоевский”*» [11, с. 272]. Модель: *Гоголь* + *Достоевский* → *Гоглоевский*;

г) вариантом контаминации является тмезис. Это вставка одного исходного слова внутрь другого: «Таков был мальчик, который жаждал быть жив, — **перевертунень** Акси-Вакси» [4, с. 238]. Модель: основа *перевертень* (*оборотень* — обл.) + *тут* → *перевертунень*.

Контаминация и ее разновидности способствуют возникновению семантической многомерности окказионализма, усилению его экспрессивности, помогают достичь комического эффекта. Н.А. Купина, называя контаминированные новообразования креатемами-гибридами, отмечает, что они отражают процесс карнавализации языка [12, с. 390].

3. Неморфемное усечение. Это разновидность нелинейной деривации, представляющая собой удаление форманта из мотивирующего слова либо его условное присутствие:

а) собственно неморфемное усечение: «**Смэл-Ча-Кау**, — бормотал он. — *Вставай, вылезай, ложись спать по-человечески!*» [5, с. 172]. Модель: *Смельчаков* → *Смэл-Ча-Кау*. В данном случае контекст позволяет читателю оказаться включенным в языковую игру, ср.: **Транс-фак-катаром** приблизился бок мужчины, и под восьмым ребром обозначилась основательная выемка <...> [13, с. 242]. Модель: *трансфокатор* → *транс-фак-катар*;

б) включение графического знака в неморфемное усечение: «*Возгласы никогда не должны перерождаться в крик, тем более в вопль, а еще более в **во! пли!** в пливопы, в вопляпы и прочую недопустимую абракадабру*» [5, с. 353]. Восклицательный знак, разделяющий лексему, является индикатором включения в речь маркеров психоэмоционального состояния человека.

4. Графические способы. Это изменение написания слова, то есть любая трансформация его графического состава. Данное явление обозначается термином графодеривация [14]; кроме того, новообразования-графемы ученые предлагают называть визуальными неологизмами, или неологизмами-написаниями [15, с. 127–128].

4.1. Интеграция. Этот способ окказионального словообразования, также именуемый слиянием или голофразисом, представляет собой, по определению Т.В. Поповой, «образование нового слова на базе словосочетания или предложения путем ликвидации пробелов между словами» [16, с. 109]. Рассмотрим следующий пример: «*Я имею в виду, товарищи, времена неистового Виссариона, нашего великана Белинского, а не что-нибудь еще. (Бурныедолго не смолкающие переходящие в топот, одинокий возглас с армянским акцентом <...>)*» [13, с. 149]. В представленном контексте интеграции подвергнуто распространенное в известную эпоху клишированное выражение «бурные, долго не смолкающие, переходящие в овацию аплодисменты», где вместо слова *овация* писатель вставил лексему *топот*. Окказионализм, образованный с помощью слияния, позволяет В. Аксенову сатирически охарактеризовать одну из ярких примет советской партийной жизни.

В другом случае при помощи голофразиса автор стремится завуалировать эмоционально окрашенную инвективную лексику: «*Черт бы вас побрал, ребята! Эдакая шобла! Нам тут не до праздников, **трахвашутакподдыхугугуморжовые!***» [6, т. 1, с. 230].

4.2. Виртуальная деривация. По мнению ученых, она заключается в том, что одна оболочка служит обозначению двух и более слов. Данный тип образования новых слов предлагается называть графической игрой, «представляющей собой использование разнообразных средств параграфемии: шрифтового выделения, варьирования шрифтов, символов, скобок, кавычек и др., — которое направлено на реализацию воздействующей функции языка» [3, с. 67]. В текстах романов В. Аксенова нам встретились следующие разновидности виртуальной деривации:

а) виртуальная префиксация, выраженная с помощью дефисации: «*У тебя есть познание Казимира Малевича? Имеется такая штука, как **за-зрение***» [6, т. 1, с. 316]. Значение окказионализма *за-зрение* можно трактовать как «то, что находится за пределами чувственного, а именно зрительного восприятия»;

б) виртуальная суффиксация, выраженная с помощью парентезиса (скобок): «*Кукуш взял гитару и стал тихонько **наигрывать**, <...> как будто он поет сам себе, чтобы*

сидящая в кустах агентура чего не подумала, не приняла рядовой выпивон за какое-нибудь **сбор(ищ)е**» [6, т. 1, с. 281] или квотации (кавычек): «Дайте вашему **“изму”** отдохнуть от ваших же эскапад» [6, т. 2, с. 89]. Модель: алкоголизм → «изм».

5. Расщепление названия, то есть присутствие вставки внутри многокомпонентного наименования: «Гостья <...> в мехах из сотой секции ГУМа и в облаке духов **“Одержимость”** имени **Келвина, что ли, Клайна** — не будем уточнять» [11, с. 302]. В данном отрезке текста расщепление названия обусловлено языковой игрой, а также стремлением автора подчеркнуть ироничное отношение к своему персонажу.

6. Заменительная деривация, или деривация по конкретному образцу. В одном случае она обусловлена языковой игрой: «А это правда, Юра (они были на **юр-юр** в связи с пинг-понгом на комсомольской ниве), это правда, что Политбюро Чехословакии и особенно генсек Дубчек подвергаются избиениям?» [6, т. 1, с. 392]. Модель: *вась-вась* → *юр-юр*. Кроме того, здесь представлено приватно-разговорное, фамильярное обращение: «Юр!». В другом — необходимостью дать наименование предмету: «Если мы преодолеем стагнацию рынка, вокруг Земли начнут летать **орбитопланы** и космические лайнеры» [7, с. 506]. Модель: *дельтаплан, параплан* → *орбитоплан*. В третьем — стремлением к выражению авторских эмоций: «Я долго тащился, как будто я был <...> **вождеделенный анархический лиромант**» [4, с. 241]. Модель: *хиромант* → [*хиро-* / *лиро-*] → *лиромант*.

7. Субституция. Она представляет собой замену морфем, сегментов слов, компонентов сложного слова.

Обращение к субституции так или иначе связано с языковой игрой: «Головкин показывал ему пальцем в ухо: «**Болячка там у меня <...> засела! Не слышу ни блуха!**»» [6, т. 1, с. 306]. Модель: основа *звук* (ср.: *не слышу ни звука*) → *блух*. Здесь мы имеем дело с заменой отдельных звуков на корневую морфему *ух(о)*.

8. Креация, заключающаяся, по мнению дериватологов, в образовании без модели, с использованием произвольного немотивированного знака [17, с. 17]. В текстах романов В. Аксенова представлено большое количество новообразований, созданных путем креации.

В одном случае можно определить, что послужило основой для создания окказионализма: «Ген, привет, а я вот, видишь, в опалу попал из-за одного **гомохлебуло**» [10, с. 87]. Модель: *гомо (ното)* + *хлебуло* (от *хлеба́ть, хлебающий*): это человек, стремящийся только к тому, чтобы повкуснее и посытнее поесть, ср.: *Ното sapiens* — человек разумный.

В другом случае установление производящей основы не представляется возможным, хотя сама модель наименования лиц по какому-либо признаку достаточно прозрачна: «Ага, значит, у тебя все-таки был какой-то реальный прототип?» — с удивительной для баскского **октодженериана** толковостью предположил Лярокк» [10, с. 24]. Октодженерианами писатель называет представителей биаррийской элиты.

Проанализируем следующий контекст: «Приезжая на фестиваль народного творчества, он отстегивал исторический маузер, чтобы оторвать русского трепака, или украинского гопака, или анчачскую **рупсавару** с дородными красавицами колхозов» [7, с. 215]. В данном случае окказионализм, обозначающий танец вымышленного народа, создан по аналогии с другими названиями народных танцев: *румба, самба, апсара*.

9. Диереза, то есть выпадение звука в сложном сочетании звуков: «Дельф <...> сообщил в детском саду, что папа уехал на лечение в **Бунос-Арас**» [6, т. 1, с. 180]. Модель: основа *Буэнос-Айрес* → *Бунос-Арас*. Новообразование, созданное путем диерезы, позволяет В. Аксенову передать особенности детской речи, которой свойственно стремление к упрощению произношения.

10. Лексикализация аббревиатур путем соединения с аффиксами: «Каждый художник должен знать тех, кто приходит в летнюю ночь, **мосхатых**» [6, т. 2, с. 112]. Модель: основа *МОСХ* (Московский союз художников) + *-ат-* с нетипичным значением «имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим словом» → *мосхатый*, ср. с узуальными вариантами *носатый, хвостатый, крылатый* и др.

11. Метатеза с усечением: «Я вам лично, барышня, посоветовал бы Жоржа в эту абсурдную (откуда он взял это слово?), в эту **асбурную** (мл. дворник тоже волновался) ночь не

искать, а лучше пошли бы под протекцию родителей» [5, с. 263]. Модель: абсурдный → асбурный. Окказионализм в представленном отрезке текста служит индикатором психоэмоционального состояния (в данном случае – волнения) одного из героев произведения.

12. Эпентеза (срединная неморфемная вставка): «А вот скажи, одинокому-то патрицию какая зарезервирована роль в этой нормальной **человеческой** (не опечатка!) жизни?» [5, с. 345]. Модель: основа *человеческий* → *человеческий*, ср.: *ндравиться* (прост.), *радиво* (прост.). Отметим, что тенденция к разговорности, снижению стиля является конститутивной чертой творчества писателя.

Встречаются и примеры соединения метатезы с эпентезой: «Всю ночь пилоты не спали: сначала переругивались на русском, чувашском, марийском и **лоураветландском**» [4, с. 98]. Модель: основа *лоураветланск(ий)* → *лоураветландский*. Как известно, в 1920-е годы чукотский язык (язык чукчей) был переименован в луораветланский, но этот термин не стал общеупотребительным. Данный факт позволяет В. Аксенову создать окказионализм, представляющий собой фонетическую трансформацию узального аналога, что способствует возникновению иронии.

Таким образом, индивидуально-авторские новообразования в текстах романов В. Аксенова являются яркой приметой его идиостиля. Среди окказиональных способов словообразования представлены как достаточно известные: гендиадис, контаминация, неморфемное усечение, расщепление названия, графические способы (интеграция и виртуальная деривация), заменительная деривация, субституция, креация, лексикализация аббревиатур путем соединения с аффиксами, эпентеза, так и уникальные: диереза, метатеза с усечением, метатеза с эпентезой. Многообразие способов образования новых лексем позволяет писателю реализовать обширный экспрессивный потенциал, заложенный в самих словообразовательных моделях, а также выразить свое отношение к героям, событиям и целым эпохам. Большинство используемых автором словообразовательных моделей дает возможность создавать полисемантические конструкции и вступать с читателем в языковую игру – сотворчество, когда читающий может дополнять, расширять и интерпретировать по-своему значение новообразований.

Библиографический список

1. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 504 с.
2. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. 224 с.
3. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 296 с.
4. Аксенов В.П. Ленд-лизинг. Lend-leasing. М.: Эксмо, 2010. 256 с.
5. Аксенов В.П. Москва Ква-Ква. М.: Эксмо, 2011. 480 с.
6. Аксенов В.П. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках). Авторская версия: в 2 т. М.: Семь дней, 2011. 680 с.
7. Аксенов В.П. Кесарево свечение. М.: Изографус; Эксмо, 2002. 640 с.
8. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 220 с.
9. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1986. 160 с.
10. Аксенов В.П. Редкие земли. М.: Эксмо, 2007. 448 с.
11. Аксенов В.П. Новый сладостный стиль. М.: ИЗОГРАФ, 1997. 560 с.
12. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2003. 415 с.
13. Аксенов В.П. Ожог. М.: Эксмо, 2011. 672 с.
14. Попова Т.В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в. // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М., 2007. С. 230–231.
15. Маринова Е.В. Визуальные неологизмы: новая графика «старых» слов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Филология». 2005. Вып. 1(6). С. 127–132.

16. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта: Наука, 2005. 168 с.

17. Белоусова Е.А. Окказиональное слово в произведениях современной научной фантастики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2002. 20 с.

References

1. Yanko-Trinititskaya N.A. Word formation in modern Russian language. M., Indrik, 2001, 504 p. (in Russ.)
2. Ulukhanov I.S. Units of word-formative system of Russian language and their lexical realization. M., 1996. 224 p. (in Russ.)
3. Il'yasova S.V., Amiri L.P. Language game in communicative space of mass media and advertising. M., FLINTA, Nauka, 2013, 296 p. (in Russ.)
4. Aksyonov V.P. Lend-leasing. Lend-leasing. M., Eksmo, 2010, 256 p. (in Russ.)
5. Aksyonov V.P. Moscow ow ow. M., Eksmo, 2011, 480 p. (in Russ.)
6. Aksyonov V.P. Mysterious passion (novel about Shestidesyatniki). Author's version: in 2 vol. M., Sem' dnei, 2011, 680 p. (in Russ.)
7. Aksyonov V.P. Caesarean fluorescence. M., IZOGRAF; Eksmo, 2002, 640 p. (in Russ.)
8. Zemskaya E.A. Word formation as activity. M., Nauka, 1992, 220 p. (in Russ.)
9. Namitokova R.Yu. Author's neologisms: word formation aspect. Rostov n/D., Izd-vo Rost. un-ta, 1986, 160 p. (in Russ.)
10. Aksyonov V.P. Rare Earths. M.: Eksmo, 2007. 448 p. (in Russ.)
11. Aksyonov V.P. The New Sweet Style. M.: IZOGRAF, 1997. 560 p. (in Russ.)
12. Kupina N.A., Matveeva T.V. Stylistics of modern Russian Language: textbook for bachelors. M.: Iurait, 2003. 415 p. (in Russ.)
13. Aksyonov V.P. The Burn. M., Eksmo, 2011, 672 p. (in Russ.)
14. Popova T.V. Grafoderivatsiia in Russian word formation of the end of the XX – beginning of the XXI century // *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo iazyka: trudy i materialy [Russian language: historical fortunes and modernity. III International congress of researchers of Russian language: works and materials]* M., 2007, p. 230–231. (in Russ.)
15. Marinova E.V. Visual neologisms: new graphics of «old» words. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Series: Filologiya*. Issue 1(6). N. Novgorod, 2005, p. 127–132. (in Russ.)
16. Popova T.V., Ratsiburskaya L.V., Gugunava D.V. Neology and neographics of modern Russian language. M., Flinta, Nauka, 2005, 168 p. (in Russ.)
17. Belousova E.A. *Okkazional'noe slovo v proizvedeniiakh sovremennoi nauchnoi fantastiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Occasional word in the works of modern science fiction: Extended abstract of candidate's of philological sciences thesis]*. Maikop, 2002, 20 p. (in Russ.)

A.V. Spiridonov*

OCCASIONAL WAYS OF CREATION OCCASIONAL VOCABULARY IN V. AKSENOV'S NOVELS

In the article occasional ways of creation new coined words in V. Aksenov's novels are viewed. Not only characteristic for many authors models of occasional word formation but also unique, characterizing creative activity of a writer are singled out. It is specified that the majority of nonce words created by these ways, carry out function of language game.

Key words: occasional word formation, neologisms, typology, V. Aksenov.

* Spiridonov Alexander Vladimirovich (Aleshandro@mail.ru), the Dept. of Modern Russian Language and Teaching Methods, Institute of Philology and Cross-Cultural Communication, Kazan Federal University, Kazan, 420008, Russian Federation.